

[14.02.2003] Зачем Киргизии четвертый по счету, конституционный референдум?

Атмосфера 1993-го

Граница с Киргизией сегодня чем-то сродни машине времени. Переехав через бурную Чу из казахстанского Кордая в киргизский Аламудун, а затем в Бишкек, вы словно возвращаетесь в «наш» 1993 год. Время остановилось на рубеже десятилетней давности. Деревянные лотки-табуретки с сигаретами, семечками, самодельной водкой и прочим нехитрым товаром вдоль центрального проспекта киргизской столицы, заплывающие остановки, одежда людей с той самой – образца 1993–95 года – китайской толкучки, да из обносок советских времен... Да, мы действительно словно прогуливаемся по девятидесятому третьему году. Причем люди в этом городе меньше всего озабочены намеченным на завтра важнейшим политическим событием года, как называет конституционный референдум официальная пропаганда. Бишкек живет своей жизнью. Примитивная «тротуарная» торговля, рядом нищие... Шашлык и водка под немного пригревшим солнцем февраля привлекают многих бишкекчан. Мужчины и женщины закусывают – во взглядах расслабленность и некоторый «пофигизм»... Нас тоже зазывают радушные хозяева уличных столиков; удовольствие (вместе со ста граммами) дешевое, всего тридцать пять сомов – около ста тенге, но угощение не внушает доверия. Шампуры, на которые насажен шашлык, совсем черные – их когда-нибудь мыли?

Быт, действительно, говорит о многом. Вот двое мальчишек, узнав, что мы из Казахстана, предлагают купить флажки наших братских республик. Недорого, всего по три сома. Рядом на лотке – старые деньги, медали Великой Отечественной, депутатские значки, открытки брежневской эпохи и прочее старье, также по совсем сходной цене.

...В подземном переходе предприимчивые молодые люди катают шарик-малик. Импровизированное шоу в разгаре. Совершенно без задней мысли (действительно, мы что-то расслабились, подзабыли

уже неприветливый девяносто третий) достаем камеру и пытаемся заснять это интригующее действо. Тут же попадаем в цепкие руки, очевидно, местных вышибал: «Ты что это, снимать собрался?». С матерной руганью нас выпроваживают, невзирая на удостоверения прессы и статус международных наблюдателей, присвоенный при аккредитации на референдум... И вот ведь что интересно – среди зрителей «шарик-малик-шоу» было два человека в милицейской форме, но они не обратили на произвол по отношению к иностранной прессе никакого внимания.

Что думают люди о предстоящем завтра плебисците? Мы задали этот вопрос приблизительно двум десяткам горожан, которые в массе своей не думали ничего. Наверное, потому, что столько референдумов и выборов, сколько на их памяти, едва ли было в какой-нибудь другой стране СНГ за одиннадцать лет независимости. Многие просто не понимали смысла вопроса бюллетеня о подтверждении легитимности президента Акаева до 2005 года – зачем, ведь и так законно избран. Что же касается поправок к тексту конституции, их смысл и содержание просто сбили некоторых с толку.

В частности, среди «больных» вопросов были полномочия президента, и именно здесь произошла наибольшая путаница. С одной стороны, оппозиция, требуя не спешить с референдумом, многократно указывала, что Акаев в новой версии конституции существенно расширяет свои полномочия, в частности, вводит право абсолютного вето при принятии законов и даже роспуска парламента. С другой стороны, самые последние поправки в проект конституции по указу А. Акаева от 23 января, напротив, существенно сократили полномочия президента по сравнению с предыдущим вариантом. Об этом твердила вся официальная пресса, об этом же свидетельствовал и розданный наблюдателям в последние дни документ – тринадцать «срочно» доработанных пунктов проекта нового варианта конституции. Что в итоге получилось, и как обстоят дела с полномочиями Акаева в «окончательной редакции», наши собеседники представляли смутно. Тем более что немногие из них вообще нашли время и желание прочитать, за что или против чего они должны будут голосовать завтра.

Общее равнодушие или, по крайней мере, слабый интерес к

предстоящему завтра голосованию – вот основное настроение первого февраля, отмеченное нами в Бишкеке. Или, точнее, так: «Пусть все течет как течет».

– Аскар Акаев относится к первой когорте президентов, пришедших к власти после развала Союза, – говорит Куван Бектемиров. – Он ничем не хуже коллег из других стран, у которых тоже есть свои «непримиримые» враги. Поэтому нужно дать Акаеву возможность спокойно уйти с поста по окончании срока президентского правления – в декабре 2005 года. Пусть спокойно досидит свой срок. Такой уход был бы равнозначен некоему компромиссу, своего рода взаимному реверансу между всеми ветвями власти... И хотел бы еще сказать как власть имущим, так и оппозиции: господа, пожалейте свой народ – он ведь в своей массе в интеллектуальном плане не дорос до вашей фразеологии и ваших политических выкладок...

А если сказать более грубо, тому самому народу уже просто «до лампочки» любые, даже самые блистательные программы.

«Верхи» и «низы»

Пресловутый «переходный экономический период» в Киргизии явно затянулся. А потому год от года здесь все труднее что-то обещать и прогнозировать. Все сложнее с программами, способными вселить надежду на выход из кризиса, с причинами и первопричинами, которыми можно было бы все объяснить, и с виноватыми, которых, соответственно, – призвать к ответу. А особенно нелегко с долгосрочными социально-экономическими концепциями и с «цементирующими идеями».

На сегодня здесь созданы три фундаментальные социально-экономические стратегии. Это Комплексные основы развития до 2010 года, Третья инвестиционная матрица и Стратегия борьбы с бедностью. Стратегии, нужно сказать, масштабные, с последовательно прописанными шагами и целями. Но финансовая основа всех программ – это международное сотрудничество и внешние инвестиции в экономику (внутренние здесь взять пока негде), то есть, проще говоря, давний тезис бессмертного О. Бендера: «Заграница нам поможет». Но не ладится с займами и траншами. Запад помогает молодой демократии главным образом

декларациями.

В общем-то, кризис идей, если присмотреться внимательнее к здешней действительности, легко объясним. Как говорится: «верхи» не могут, а «низы» не хотят. Впрочем, если даже «низы» и хотят каких-то перемен, они могут сгенерировать лишь деструктивное – тому примеров из киргизской истории последних лет множество, взять хотя бы прошлый год с его аксыйскими событиями. Или, в лучшем случае, «низы» могут равнодушно молчать. Что вполне понятно в условиях крайней социальной напряженности, в которой живет большинство населения Киргизии.

– Мне совершенно безразлично, кто там сидит, в этом «Белом доме», и какие программы придумывает, – говорит нам торгующая в подземном переходе Чолпон, жительница бишкекского пригорода. – За столько лет они все нам так надоели – и власть, и крикливые оппозиционеры, с их бесконечными распрями и «наездами» друг на друга. Одно я знаю точно: политика кормит. Поэтому добровольно оттуда никто никогда не уйдет...

«Верхи» же, в силу их регионально-клановой раздробленности и скрытого антагонизма отдельных элит, а проще говоря – неорганизованности, не в состоянии как-то объединиться и просто вместе, отбросив частные, земляческие и клановые интересы, подумать над судьбами общей родины (как ни высокопарно это звучит, подумать над этим ведь когда-то нужно). Кроме того, интересы очень многих попадающих во властные структуры, как и вообще работающих в административной системе, гораздо более приземленные.

Попутный таксист, который вез нас на выдавшей виды «девятке» с Западного автовокзала к центру, оказался... работником правительства. Шайлообай откровенно признался в этом, когда праздный наш дорожный разговор (погода, девушки, цены) потихоньку вывел на заработки в Алматы и Бишкеке. Водитель тяжело вздохнул, узнав, что простые уборщицы во многих алматинских компаниях зарабатывают порядка ста долларов.

– А я вот, можете себе представить, работаю в правительстве, – грустно улыбается Шайлообай. – И не уборщицей, а консультантом отдела по правовым вопросам. Попасть на такую должность у нас

считается большой удачей... Зарплата две тысячи сомов (порядка шести тысяч тенге. – Ред.). Смешно сказать, родственники завидуют, некоторые из айылов приезжают, просят помочь. Для них и моя зарплата – очень большие деньги...

Те же самые вопросы – о заработках в Казахстане – задавали нам молодые военные из службы охраны киргизского президента. И так же грустно вздыхали... Было это при личном досмотре в пункте службы безопасности на входе в «Белый дом». Сам «Белый дом» показался бедноватым даже по сравнению с любым нашим областным акиматом. В старом добротном здании советской постройки, очевидно, за годы независимости не было никакого ремонта. В коридорах – старые дерматиновые кресла, на столиках для курения вместо пепельниц красуются консервные банки. Словом, и зарабатывают здесь мало, и на ремонт денег нет.

Наконец, что также очень грустно, киргизские «верхи» страдают отсутствием элементарной самодисциплины. Одна из поправок в конституцию, вынесенная на референдум, – о лишении депутатов Жогорку Кенеша мандатов за систематическое отсутствие на заседаниях – говорит сама за себя. Что делают прогульщики-депутаты во время заседаний, когда надо рассматривать жизненно важные законы? «Народ» убежден: решают собственные проблемы.

– Жогорку Кенеш давно уже пора реформировать, – говорит один из старейшин совета общественности жилкооператива «Ак-Орго» Токтоналы. – Даже по телевизору, в парламентских передачах, видно, что обычно на заседаниях присутствует едва половина депутатов. Как при таком отношении к делу можно принимать важные государственные решения?!

Один вывод легко сделать из всего этого расклада. Те фундаментальные концепции и программы, по которым живет Киргизия, рождаются в кабинетах президента и его ближайшего окружения. Плохи они или хороши, других нет. А главное, они были и останутся «кабинетными», как и в случае с нынешней **конституционной реформой**. Как там у классика: «Страшно далеки они были от народа...»

Что и зачем поправляли

Очередной реформаторский креатив руководства Киргизии не оригинален. Дело в том, что Основной закон здесь корректируется уже не в первый и даже не в третий раз, тем более удивительны заявления руководства страны о важнейшем, чуть ли не судьбоносном, значении сегодняшних поправок.

Первая конституция суверенной Киргизии была принята 5 мая 1993 года. Тогда же Аскар Акаев провел в стране первый референдум о доверии себе. В конституцию 1993 года была заложена общая концепция сильной власти, как законодательной, так и исполнительной. Но она не внесла баланса во внутреннюю жизнь страны. Акаев объяснял это противоречиями между реформаторским крылом, к которому он относил прежде всего себя, и консервативными депутатами. В итоге Акаев занялся постепенным урезанием прерогатив законодательной власти.

Конституция 1993 года дорабатывалась неоднократно. Были такие же, как и сейчас, референдумы в 1996 и 1998 годах. Постепенно модель власти в Киргизии стала соединять элементы полупрезидентской и президентской республики. Но многочисленные прерогативы главы государства так и не решили проблемы стабильности управления страной. За десять лет независимости в Киргизии сменилось десять кабинетов. Нормой стали коррупционные скандалы, причем они в условиях публичного государства колоссально подрывают авторитет власти.

И вот в конце 2002 года Аскар Акаев в четвертый раз объявляет о необходимости конституционных реформ. Вновь перераспределяются полномочия между парламентом и президентом. Президент опять «отдает одеяло», делясь значительной частью своих полномочий с парламентом. Парламент снова становится однопалатным, число депутатов сокращается до 75. Фактически после нынешнего референдума конституционное устройство в стране во многом возвратится к варианту 1993 года. То есть реформирование Основного закона как бы завершило движение по кругу. В этой связи мы несколько не поняли, в чем же смысл громких заявлений Акаева о судьбоносности нынешней «конституционной реформы»?

— Голосуя за новую конституцию, наш народ включает механизм выхода из переходного этапа, выхода на траекторию устойчивого

развития, – заявил Аскар Акаевич на брифинге в бишкекской средней школе № 24 сразу после голосования. – Считаю, что если мы сумеем эти задачи решить, то через 5–7 лет можем оказаться на траектории устойчивого развития». Не больше и не меньше.

Что же должно помочь стране наконец-то выйти на устойчивую «траекторию»? Основных новшеств можно выделить семь. Это однопалатный парламент, возвращение депутатам неприкосновенности, лишение их мандатов за систематическое отсутствие, объединение судов «общего назначения» с арбитражными, изменения в части прав и свобод человека (вопросы ареста, юридической защиты, неприкосновенности частной жизни), расширение полномочий правительства и общее перераспределение полномочий между ветвями власти. Последние две поправки, очевидно, отражают компромисс между президентом и другими представителями киргизских элит, претендующими на более обширное участие во властном процессе. Остальные же имеют текущий, «технический» смысл. И очень трудно сказать, какие же из поправок могут кардинально повлиять на будущее Киргизии. Отсюда вывод о надуманности реформы, о том, что она преследовала не столько общегосударственные, сколько политконъюнктурные цели. Иначе зачем бы Аскар Акаев так торопился?

Киргизские политтехнологии в действии

Анализируя местные политические реалии, постепенно приходишь к выводу, что по отдельности многочисленные конфликты между различными политическими движениями, партиями и коалициями, родовыми и местными иерархиями не представляют большого интереса. А интересен текущий момент тем, что количество постепенно переходит в качество. То есть критическая масса внутренней напряженности растет, и управлять «демократическим процессом реформ» Аскару Акаеву становится все сложнее. Уже не первый год «тлеющий» конфликт киргизских элит входит в новую, наиболее жесткую и опасную фазу. Президент сформулировал достаточно либеральные «правила игры», позволяющие очень многое в обмен на лояльность. Но и они принимаются отнюдь не всеми. Лавировать и сохранять стабильность в этой ситуации очень трудно, и нужно как-то закреплять позиции. Не случайно референдум по изменению конституции и подтверждению полномочий

президента Акаева рассматривается многими киргизскими СМИ, которые мы успели перелопатить, не иначе как «спасательный круг», или как «сбросовый клапан», имеющий главной целью в очередной раз разрядить обстановку.

Ввиду своей явной идейной эфемерности состоявшийся в Киргизии референдум оставил у многих наблюдателей впечатление заданности, даже надуманности. Многие склонились к мнению, что эта акция – на деле не более чем политический креатив, «творческий» итог интенсивного мыслительного процесса, которым к началу минувшей осени активно занялись в Бишкеке. Очевидно, что занялись не от хорошей жизни, а ввиду острой необходимости.

Референдум второго февраля можно в значительной степени считать политическим пиаром Аскара Акаева. Рисковал президент или нет – сложный вопрос, но несомненно, что выставленный в бюллетень вопрос о подтверждении его легитимности до 2005 года был для него жизненно важен. Цели просты: не просто подтвердить свои полномочия на официальный срок (в принципе, Акаеву можно было этого и не делать), но – главное – формально снять фактом народной поддержки основные претензии оппозиции.

– Конечно, я также хотел ответить на вопросы, которые ставит наша оппозиция, – заявил президент на брифинге. – Она, как вы знаете, весь прошлый год провела под лозунгом «Акаева – в отставку». Они даже создали штаб в Законодательном собрании и заявляли всюду, что за ними 80 процентов народа. Вот на этот вопрос вы, мои избиратели, и дадите сегодня ответ. Я считаю, что отличительная особенность нынешней конституционной реформы как раз и заключается в том, что мы выслушали все слои общества, все политические силы, действующие сегодня в нашей стране...

Но, увы, в итоге были достигнуты все же формальные цели. И, возможно, сделано это формальными способами (например, многие наблюдатели по сей день задаются вопросом: почему именно в день референдума, а не раньше и не позже, сломался головной компьютер, куда стекалась вся информация о ходе голосования?). И это в целом не снимает напряжения существующего в стране межэлитного противостояния. Однако ситуация после плебисцита

переводит это противостояние в иную, менее опасную для Акаева плоскость, так как он (опять-таки формально, но и это для него сейчас важно) оказывается в более сильной позиции по отношению к своим противникам.

Что же сделал киргизский президент? Прежде всего, Акаев предпринял все шаги для того, чтобы дать возможность «непримиримым» публично поучаствовать в процессе доработки конституции. И это ему удалось. Так, в состав Конституционного совещания, которое разрабатывало поправки, была включена депутатская группа «За отставку президента Акаева», являющаяся частью одноименного общественного «штаба». Кстати, видимо, именно эта группа и «помогла» Конституционному совещанию внести поправки, урезающие полномочия президента, которые он «срочно» утвердил уже упомянутым выше указом от 23 января. Источник (агентство «Кабар») сообщал, что сразу по поступлении возражений оппозиции «семнадцать членов экспертной группы рассмотрели это заявление и вчера же (выделено нами. – Ред.) отправили Аскару Акаеву исправленный вариант отдельных статей Конституции». Удивительно, насколько быстро были приняты возражения!

Чего в итоге добился Аскар Акаев? Он пожертвовал полномочиями (возможно, идя на это заведомо), но показал всем, что «непримиримым» дана возможность равноправно участвовать в демократическом процессе.

А тут, возможно, совпадение – президентскому пиару очень помогли и сами «непримиримые». 29 января в Джалал-Абаде состоялось заседание все того же штаба «За отставку президента Акаева и реформы для народа», где известный оппозиционер Бектур Асанов заявил, что до годовщины аксыйских событий состоится второй этап так называемого «третьего» народного курултая. На этом курултае, сказал Асанов, будет обсуждаться кандидатура будущего президента от юга республики, поскольку нынешний может в любой момент, как Ельцин Путину, передать свои полномочия преемнику. Курултай, по словам оппозиционера, будет охраняться 20 тысячами человек, которые будут вооружены и «займут круговую оборону». Как видим, повод более чем серьезный – президент получает предлог для решительных действий по отношению к непримиримой оппозиции, которая может

быть обвинена не только в разжигании гражданской и региональной розни, но и в сепаратизме, и в открытых попытках свержения конституционного строя.

Пиар действующего президента включал и традиционные схемы. Например, «Вечерний Бишкек» напечатал очень интересную статью о том, как живет президентская семья. Аскар Акаев, как сообщается, имеет самый низкий среди глав государств СНГ оклад – 21 тыс. сомов, или около 400 долларов США. Для сравнения: заработная плата российского президента В. Путина, как сообщает газета, составляет более 3 тыс. долларов, президента Грузии Шеварднадзе – около 9 тыс. долларов. Газета утверждает, что все продукты и одежду чета Акаевых приобретает на свои деньги на местных рынках. Официальной резиденции у него (опять-таки, единственного среди руководителей государств СНГ) нет, есть только две госдачи.

Перед референдумом официальные газеты пестрели «письмами в поддержку» как самого президента, так и конституционной реформы. Предприниматели, ученые, врачи, студенты, воины и простые граждане выражали горячую поддержку, совсем «в духе» приснопамятных времен. Оппозиционные газеты, напротив, пестрели огромными заголовками типа «Я зачеркну «ДА». Но количественный перевес был явным.

А кульминацией этой масштабной пиар-программы, несомненно, стал сам референдум.

За что проголосовала Киргизия?

Мы обошли несколько участков для голосования. К полудню второго февраля на четырех участках, по словам их председателей, уже проголосовало более 50 процентов избирателей. Между тем людей было совсем немного, если не считать того участка, где голосовал сам Аскар Акаев. Да и здесь, уже спустя полчаса после отъезда президента, наплыв голосующих начал заметно ослабевать.

Заметим, что прямых оснований подвергать сомнению **итоги киргизского референдума** у нас нет. Хотя мы увидели то, что увидели – полупустые избирательные участки и полные людей

улицы киргизской столицы. Не заметить общей вялости было просто невозможно. Да и другие факты настораживали. Так, в прессе уже накануне акции сообщалось о фактах дублирования пригласительных билетов жителям Бишкека, когда человек получал предложение проголосовать сразу с двух участков. Противоречиво выглядела общерегиональная картина. Так, в «мятежном» Аксыйском районе пришло на референдум не более 6 процентов его жителей. Другие сельские районы, напротив, поражали почти стопроцентной явкой.

— За что вы голосовали? — спрашиваем у улыбающейся семейной пары, выходящей с участка № 1128.

— «За» голосовали.

— А почему?

— А какая разница?

..В десять вечера второго февраля председатель Центризбиркома Киргизии Сулайман Иманбаев оглашает предварительные итоги, согласно которым на избирательные участки пришли более 84 процентов зарегистрированных избирателей. А третьего февраля становится известно, что подавляющее большинство жителей Киргизии — 75,5 проц. — одобрили новую редакцию конституции страны, а на второй вопрос референдума, касающийся сохранения полномочий Аскара Акаева до окончания его конституционного срока правления, положительно ответили около 79 проц. участников референдума — 1 млн. 938 тыс. из почти 2,5 млн. внесенных в списки избирателей. Очень интересно, что последняя цифра фактически почти совпала с названной Аскарком Акаевичем сразу после голосования, когда он говорил о требуемом минимуме голосов для того, чтобы подтвердить президентскую легитимность.

Итак, за что же, «формально» или нет, проголосовала Киргизия? За сохранение той относительной и весьма хрупкой стабильности, которая существует сегодня в ее крайне неоднородном обществе. За то, чтобы дать возможность Акаеву, как выразился один из наших собеседников, «досидеть». За очередное перераспределение во властном механизме, результатом которого станет

определенный межэлитный компромисс, а значит – некие правила игры и, опять-таки, формальный консенсус. Проще говоря, Киргизия проголосовала за сохранение того, что есть. Может быть, за худой мир – и это правильно. Но «худой мир» в данном случае означает и сохранение существующей тяжелейшей ситуации в киргизской экономике со всеми вытекающими отсюда проблемами в политике.

Алексей Иконников, «Континент» (Казахстан), февраль 2003